

Александр Иванович Репинецкий
(Российская Академия Наук, Поволжский филиал
Поволжская Государственная Социально-Гуманитарная Академия, Samara)

Государственная миграционная система послевоенного советского общества: единство и противоречия бюрократической вертикали 1946-1953 гг.

Миграционные процессы были неотъемлемой составляющей развития российского государства с XVI в. – времени выхода его границ за территории, населённых славянами. После окончания Второй мировой войны миграционная политика государства должна была сыграть важную роль в восстановлении разрушенной войной экономики.

Основными задачами миграционной политики государства было во-первых, обеспечить рабочей силой промышленные предприятия, расположенные, прежде всего, в восточных районах страны, и, во-вторых, заселение русским населением районов, вошедших в состав СССР по итогам Второй мировой войны (Прибалтика, Кёнигсберг) или обезлюдивших в результате репатриации местного населения (Кавказ, Крым). Эти задачи определили и ведущие формы миграции. Ими стали принудительные и добровольно-принудительные.

Исходя из этих задач, для руководства миграционными процессами была возобновлена деятельность специальных органов государственного управления при Совете Министров СССР: Главного переселенческого управления и Главного управления организованного набора рабочих. Для организации переселения на местах создавались областные (краевые) переселенческие комитеты во главе с председателями исполкомов областных комитетов Советов депутатов трудящихся. Комитеты должны были определять численность и демографический состав переселяемого населения, удельный вес трудоспособных, а также «избыток» трудоспособного населения региона для их последующего переселения. Правительство страны, учитывая потребности министерств в рабочей силе, определяло план переселения, а Главные управления, опираясь на местные органы власти, осуществляли сам процесс переселения. Таким образом, в стране была создана чёткая

бюрократическая вертикаль, направленная на выполнение поставленных задач.

Однако созданная система таила внутренние противоречия. При кажущейся схожести деятельности Главных управлений – планового переселения населения – задачи их были различны. Главное переселенческое управление должно было обеспечить переселение колхозников с малоземельных на многоземельные территории, в том числе и внутри областей; осуществлять реэвакуацию, приём и размещение репатриированных советских граждан, а также переселения по особым постановлениям правительства. Последнее подразумевало обеспечение притока русского населения во вновь присоединённые земли Прибалтики, Кёнигсберга, Кавказа, Тувы и восточные области страны.

Перед Главным управлением организованного набора рабочих стояла задача обеспечения непрофессиональной рабочей силой промышленные предприятия страны. С работниками заключался договор на сезон (лесосплав, лесозаготовки, рыбная путина) или на один – три года для работы на промышленных предприятиях или стройках. И при переселении и оргнаборе государство брало обязательство бесплатной доставки до места работы, выплату подъемных, предоставление одиноким общежития, а семейным – комнату. После окончания договора человек мог его перезаключить или уехать к себе домой бесплатно.

Таким образом, интересы двух ведомств переплетались, а главное, у того и другого органа был один объект выполнения плана – сельское население, причём проживающее в весьма ограниченном районе. В постановлении Совета Министров СССР от 21 июля 1946 г. «О первоначальных мероприятиях по заселению районов и развитию сельского хозяйства в Калининградской области» правительство определило районы выхода переселенцев – Поволжье и Центральные районы РСФСР¹. Эти же районы стали основным регионом осуществления оргнабора.

Перемещение населения проходила в обществе, пережившем опустошительную войну и находившемся в глубоком демографическом кризисе. Особенно пострадала сельская местность. Так, в Поволжье по подсчётам автора в 1947 г. половина всех крестьянских дворов не имели в своём составе ни одного трудоспособного мужчины, а в Астраханской, Куйбышевской и Сталинградской областях в каждом десятом сельском дворе отсутствовали работоспособные женщины². Но именно сельское население должно было составить основу переселенцев.

¹ Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1967 гг., Moskwa 1968, s. 117

² Рассчитано по материалам: Российский государственный архив экономики (РГАЭ), zesp. 7486, inw. 7, sygn. 530, k. 25-26.

Бюрократическая машина государства, осуществляя переселенческую политику, не советовалась не только с населением, что было вполне естественно, но и с местными управленцами, а у них были свои интересы. Безусловно, план по переселению, как и любой государственный план, необходимо было выполнять. Но неизмеримо выше была ответственность руководителей регионов за выполнение плана экономического развития. Так, за срыв поставок продукции сельского хозяйства государству можно было не только лишиться своего поста, но и партийного билета, что означало конец карьеры. Последнее определяло двойственность положения местной бюрократии, которая должна была лавировать между выполнением сложно сочетаемых задач – и план выполнить и местное сельское население отдать.

Проанализируем, к чему приводило подобное положение на практике. Особо сложно выполнимые задачи оказались в области переселения, которое в отличие от оргнабора, менявшего статус колхозника (он становился рабочим и, главное, получал паспорт) изменяло только место жительства. Поэтому переселенцев помимо идеологических призывов заманивали и материальными стимулами. Среди них следует отметить бесплатный проезд и провоз скота, единовременное денежное пособие в размере от 1 до 3 тыс. рублей на главу семьи и 300-600 рублей на каждого переселенца. Особо важным для колхозников было то, что с переселенцев снимались все числившиеся за ними недоимки по обязательным поставкам государству сельхоз продуктов, накопительным и страховым платежам. По прибытию переселенцем выдавалась продовольственная ссуда зерном и денежный кредит на жилищное строительство. Особо льготные условия имели переселенцы, выезжающие на Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Не смотря на предоставляемые льготы, особого рвения к переселению российское крестьянство не проявляло, справедливо полагая, что менять надо не место жительства, а социальный статус. Однако план необходимо было выполнять. Архивные данные свидетельствуют, что местные власти пытались выполнить план переселения за счёт семей с небольшим числом трудоспособных, а также больных и ослабленных лиц. Так, в эшелоне, направлявшемся из Мурманской области на Дальний Восток из 597 человек 167 (27%) оказались больны. Наиболее распространёнными заболеваниями были туберкулёз и трахома. Помимо этого среди переселенцев оказались и инвалиды Великой Отечественной войны с ампутированными конечностями, а треть семей не имела в своём составе мужчин³.

Местные власти стремились всеми способами не допустить переселения необходимых селу кадров. Так, предметом разбирательства Главного переселенческого управления стала ситуация, сложившаяся в Ульяновской области, когда ранее записавшиеся на переселение колхозники, позднее

³ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО), zesp. 4072, inw. 2, sygn. 6, к. 9

вычёркнули себя из списков. Чиновников насторожило, что в основном это были семьи механизаторов. Расследование показало, что отказ от переселения произошёл под давлением председателей колхозов, которые всячески отговаривали от данного шага. Последние оправдывались тем, что переселение совпадало с уборочной, а это грозило её срывом, тем более, что существующий уровень механизации не мог компенсировать потерю работников⁴.

Наибольшей популярностью у крестьян пользовалось западное направление. По подсчётам О.М. Вербицкой за первые пять послевоенных лет 40% переселений сельчан пришлось на Европейскую часть страны (Калининградская и Ленинградская области)⁵. Однако и здесь местные власти всячески препятствовали переселению. Так, в Пензенской области в 1947-1948 гг. было удовлетворено только 62 % заявок на переселение в Калининградскую область, а основную массу переселенцев составили женщины⁶.

Для избавления от этой порочной практики центральная власть принимала жёсткие меры. Прекрасно понимая, что местные власти всегда найдут лазейку, что отправить в новые районы «некачественный» контингент, центр пошёл по пути усиления ответственности чиновников принимающей стороны. Плановые показатели стали строго увязываться с численностью переселенцев, ужесточилась ответственность за их выполнение. Это привело к тому, что в места выселения направлялись представители принимающей стороны, которые проводили контроль переселенцев, тщательно следя, чтобы в переселяющихся семьях было не менее двух работоспособных.

Следует отметить ещё один аспект во взаимоотношении местной и центральной власти в осуществлении переселенческой политики. Как правило, планы по переселению не выполнялись. Даже на тех направлениях, где желающих переселиться было много, местная власть допускала перевыполнение плана не более чем на 1-2%. Это было связано с двумя аспектами: во-первых, как уже было сказано, не желание отдавать трудоспособное население, во-вторых, система планового хозяйства была чётко ориентирована на повышение плана в следующем году при условии его выполнения в текущем. Поэтому рост плана переселения местные органы власти стремились ни в коем случае не допустить, зная, что перевыполнение в 1-2% рассматривались как статистическая погрешность.

Нежелание местных властей отдавать рабочие руки на сторону проявлялось пассивно. В условиях жёсткой централизации управления проявление какого-либо открытого недовольства исключалось. Однако, переселенческая политика государства, на деле способствующая углублению

⁴ РГАЭ, зesp. 5675, inw. 1, sygn. 436, k. 18-19.

⁵ О.М. Вербицкая, *Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву (середина 1940-х – начало 60-х гг.)*, Moskwa 1962, s. 223.

⁶ Государственный архив Пензенской области (ГАПО), зesp. 2414, inw. 1, sygn. 25, k. 160

кризиса российской деревни, вызвала протест отдельных наиболее дальновидных представителей власти. Министр сельского хозяйства СССР А.И. Бенедиктов в 1947 г. обратился с письмом на имя Секретаря ЦК КПСС Г.М. Маленкова, в котором указывал, что в колхозах ряда областей Поволжья, где активно осуществлялся организованный набор населения, сложилось угрожающее положение с выполнением плана сельхоз заготовок. В связи с этим министр предлагал не осуществлять оргнабор в Куйбышевской, Саратовской и Сталинградской областях, а в других регионах сократить его размеры. Не смотря на буквально кричащие данные о гибнущем поволжском селе, правительство страны не внесло никаких корректив в проведение организованного набора рабочих⁷.

Второй факт попытки сопротивления переселенческой политики связан с решением Главного переселенческого управления СССР о переселении в 1953 г. из Татарской АССР 600 семей колхозников в Бурят-Монгольскую автономную республику (ныне республика Бурятия) и 500 семей в леспромхозы Коми АССР (ныне республика Коми). Под переселение попадали татарские семьи. Следует отметить, что правительство осторожно подходило к переселению неславянских народов. В основном переселению подвергалось славянское население, проживающее в РСФСР, УССР, БССР. Совет Министров ТАССР неоднократно обращался в Главное переселенческое управление с просьбой отменить это решение, заменив его оргнабором в нефтяную промышленность республики. После провала этих попыток Совет Министров Татарской АССР принимает беспрецедентное решение – он рассылает председателем райисполкомов республики телеграмму, где требует «[...] не производить организованный набор рабочих для других отраслей народного хозяйства с вывозом их из республики, кроме нефтяной промышленности ТАССР»⁸. Возможно подобная смелость объяснялась тем, что власти на местах уже почувствовали послабления во внутренней политике после смерти И.В. Сталина. Конфликт был разрешён Советом Министров РСФСР, который признав справедливость требований республиканских властей, всё же настоял на проведении оргнабора. В итоге местные чиновники наказание не понесли, а из республики было переселено 566 семей колхозников⁹.

Следует отметить и тот факт, что сельчане поняли, что переселение и оргнабор осуществляют два ведомства и постарались извлечь из этого пользу. По данным А.А. Мальцева многие сельские жители, используя систему переселения, получали списание долгов с хозяйства, а через определённое время, используя систему организованного набора, получали паспорта и

⁷ РГАЭ, зesp. 7486, inw. 7, sygn. 410, k. 215.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), зesp. А-327, inw. 1, sygn. 182, k. 153.

⁹ Tamże, s. 161.

перебирались в город¹⁰. Вот как описывает эту ситуацию свидетель тех событий самарский писатель В. Никульшин:

[...] уехав из колхоза (по переселению – прим. авт.) колхозник канет на чужой стороне без следа и вести. Подходит срок его возвращения, а его нет. А потом через несколько лет появляется он вновь в селе, и оказывается, что он жив и здоров, осел в городе, и освоил промышленную профессию, и благодарит судьбу за то, что вырвался из колхоза. И вот приедет на побывку в село бывший колхозник: чистый да гладкий. [...] Вся улица сбежится смотреть. Смотрят и завидуют: чего ему не жить?¹¹

Подобные примеры были лучшей агитацией за переезд в город.

Период позднего сталинизма характерен отказом от массовых репрессий. И переселение, и оргнабор можно характеризовать как добровольно-принудительные миграции. Осуществлялись они без применения насилия. Совсем иная ситуация сложилась с ещё одной формой перераспределения населения между городом и селом. Для подготовки квалифицированной рабочей силы в стране перед войной была создана система учебных заведений трудовых резервов. Контингент её учащихся также формировался в основном за счёт сельской молодёжи (в первое послевоенное пятилетие она составляла $\frac{3}{4}$ учащихся¹²).

Чиновники не обременяли себя поиском форм комплектования училищ, считая командный метод управления самым верным. Аналог они нашли в истории петровских рекрутских наборов. Новая система получила название «призыв в училища трудовых резервов». Она подразумевала направление ежегодное направление в училища по два человека от ста членов колхоза в возрасте 14-15 лет. Призывались молодые люди из мест, имевших «излишек рабочей силы». Отсутствие лишних работников в реальности не мешало создать их на бумаге. Особое старание в этом проявили Госплан СССР и Министерство трудовых резервов СССР. Сравнение их данных с данными Министерства сельского хозяйства СССР показывает прямую фальсификацию. Особо крупные расхождения наблюдаются в определении численности молодёжи. По отдельным областям они колеблются от 20 до 40%¹³.

Отношение к призыву молодёжи в деревне было двойственным. С одной стороны, поступление в школы трудовых резервов давало молодёжи шанс вырваться из колхоза, а полное государственное обеспечение учащихся было важным стимулом для нищей послевоенной деревне. С другой стороны,

¹⁰ А.А. Мальцев, *Демографические процессы в российской деревне в 1946-1959 гг. (на материалах Среднего Поволжья)*, dysertacja, Samara 2012, s. 73.

¹¹ *Волжская коммуна*. 1990, 17 июля.

¹² *Труд в СССР. Стат. сб.*, Moskwa 1968, s. 306.

¹³ *Szczegółowo patrz: А.И. Репинецкий, Работники промышленности Поволжья: демографический состав, образовательный и профессиональный уровень. 1946-1965 гг.*, Samara 1999, s. 285-287.

набор осуществлялся в основном в училища Сибири и Дальнего Востока. Отправлять детей так далеко родители не желали. Определённую лепту в этот процесс вносили и руководители колхозов. Подростки в условиях отсутствия мужского населения, представляли ценные кадры, расставаться с которыми руководители хозяйств не желали.

Обезлюдившая послевоенная деревня не хотела отдавать молодёжь. Власти вынуждены были прибегать к репрессивным мерам, используя органы внутренних дел, или к прямому обману. Повсеместно осуществлялась практика, когда сотрудники милиции хватили сельских подростков и отправляли на призывные пункты. Распространённым вариантом было объявление набора в училища своей области на престижные профессии (машинист, железнодорожник) с последующей отправкой в училища Сибири и Дальнего Востока. Эти меры привели к активному сопротивлению молодёжи. Самыми распространёнными средствами стали дезертирство и побеги. По данным органов внутренних дел к концу 1950-х гг. сложилась ситуация, когда практически в каждом районе, где осуществлялся призыв, проживало от 10 до 60 дезертиров¹⁴. Главная задача этих парней было не попасться до призыва в армию. Местные власти, как свидетельствуют документы, делали всё, чтобы их не нашли. Большие масштабы приняли побеги с призывных пунктов и даже из училищ. Так, из 1065 человек, присланных в 1948 г. в училища Кемеровской области, в первый год сбежало почти 400 человек, т.е. более трети призванных¹⁵.

Таким образом, действовавшая в послевоенные годы система, осуществлявшая руководство миграционными процессами, учитывала, прежде всего, интересы развития промышленности страны. В тоже время в самой системе были заложены противоречия, которые тормозили эффективное выполнение этих функций. Пассивное, а иногда и активное сопротивление миграционной системе не только населения, но и местных органов власти, заставило правительство пойти на её реформирование. В 1956 г. Главное переселенческое управление и Главное управление организованного набора рабочих были объединены в Главное управление по сельскохозяйственному переселению и организованному набору, а за год до этого был отменён призыв в училища и школы трудовых резервов.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), zesp. 17, inw. 135, sygn. 12, k. 58.

¹⁵ Tamże, sygn. 26, k. 13v.

Streszczenie

Aleksandr Iwanowicz Repiniecki

Państwowy system migracyjny powojennego społeczeństwa sowieckiego: jedność i przeciwieństwa biurokratycznych pionów władzy (1946-1953)

Autor twierdzi, że w funkcjonujący w okresie powojennym system kierowania procesami migracyjnymi, uwzględniał przede wszystkim interesy rozwoju przemysłu. Jednocześnie w system zostały wpisane określone sprzeczności, które utrudniały skuteczną realizację tych celów. Bierny a czasami aktywny opór przeciwko systemowi migracji nie tylko ludzi, ale również i władz lokalnych, zmusił rząd do jego zreformowania. W 1956 roku, Główny Zarząd Przesiedleń i Departament ds. Organizacji Rekrutacja Pracowników zostały połączone w Generalną Dyрекcję Przesiedleń Rolnych i Zorganizowanej Rekrutacji, a rok wcześniej został zatrzymany dostęp sił roboczej do uczelni i szkół.

Summary

Aleksandr Ivanovich Repiniecki

State Migration post-war system of Soviet society: the unity and contradiction bureaucratic vertical (1946-1953)

The author argues that in effect in the post-war years, the system carries out management of migration processes, take into account, first of all, the interests advance of industry. At the same time in the system were laid contradictions that hampered effective implementation of these functions. Passive and sometimes active resistance against migration system, not only the population but also local authorities, forced the government to reform it. In 1956, the Main Resettlement Office and the Department of Organization recruitment of workers have been merged into the General Directorate for agricultural resettlement and organized recruitment, and the year before that was canceled access workers to schools.